

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ... Это почти столько же, сколько нашему, двадцатому веку — всего на три года меньше.

Шестьдесят лет... Это почти столько же, сколько кинематографу — всего на восемь лет меньше.

Николай Константинович Черкасов, которому на днях исполнилось 60 лет, — это живая история советского театра и кино. И это уже без всяких «меньше», «больше» и «почти». Да, это история — та самая, что обычно величественно возвышается за бастионами столетий и легенд, та самая, что таится в душной пыли фолиантов, а на этот раз предстает перед нами в образе неутомимого в молодости вечных поисков творца.

Кино и театр спорят между собой за преимущественное право на него: высоченного роста, и оттого, наверно, чуть сутуловатый, с этими так хорошо известными миллионам кинозрителей остро молодыми глазами, он здесь, в коридорах Театра имени Пушкина, почти каждый вечер; тот же, с теми же глазами, идет он на съемку по переходам «Ленфильма», и собственные глянецитые изображения глядят на него со стен — Полежаев, Паганель, Дон Кихот...

Пусть же не спорят эти две великие музы: такого талантища хватит на весь сверкающий Парнас. Пусть не спорят — Черкасов общий, наш, советский. Черкасов принадлежит миллионам.

...Уходят годы. Уходят десятилетия. Настоящее становится прошлым. Прошлое — историей.

А он всегда в будущем. Никакие быстротекущие годы не отнимут его у нас, никакая Лета не унесет, никакое забвение не поглотит.

Мы еще ходим в кино с мамой — на утренний сеанс, в воскресенье. И мы уже встречаемся с Черкасовым в первый раз, во время романтических приключений с детьми капитана Гранта. Какое детское сердце не восторгается от звуков солнечной и стремительной увертюры! И кто — и под шестьдесят — не улыбнется, вспомнив долговязую фигуру с огромной трубой, направленной в увлекательную бесконечность!

Дети помнят и его умного и доброго капитана Левашева в фильме «Счастливого плавания».

В несколько более, но, впрочем, не очень, зрелом возрасте мы добродушно смеемся над перипетиями Коли Лошака в неприязнательных «Горячих денечках».

И вот мы уже взрослеем, взрослеем вместе с Николаем Черкасовым. Мы учимся постигать сложный лабиринт творчества, ведущего нас от первых, наивных впечатлений

ДЕПУТАТ СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

детства, от простых и бесхитростных развлечений к активному мышлению в зрительном зале.

Сам Черкасов прошел весь этот путь — от яркой, эксцентрической искусственности к искусству, от зрелищности — к зрелищу, от правдоподобия — к правде, от увлеченности — к убежденности, от вихревой эмоциональности — к зрелости художнической мысли. Сам Черкасов, по его же собственным словам, изведал и исходил в молодости самые разнообразные тропы, тропинки и закоулки искусства, пока твердо и убежденно не встал на одну, единственно правильную дорогу реализма — социалистического, революционного реализма.

Самое удивительное, что этот путь в кино (в театре, от Тюза до Академического театра драмы им. Пушкина, этот путь был и сложнее, и длиннее) Черкасов прошел... за один год.

В 1936 году он сыграл Паганеля, царевича Алексея и своего легендарного депутата Балтики — профессора Полежаева.

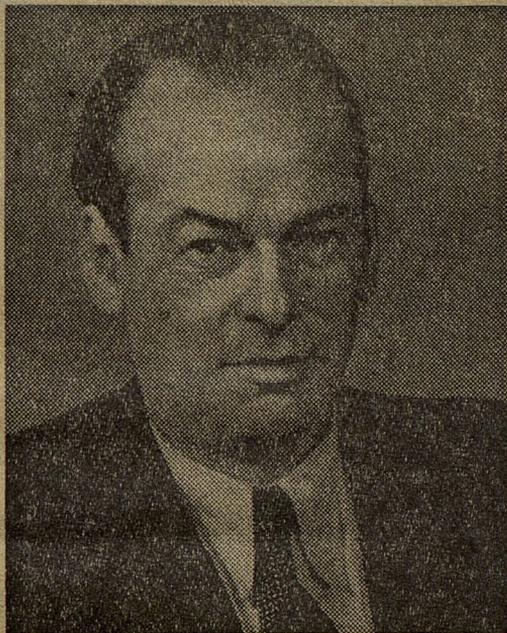
Сейчас уже стало общим местом то, как молодой, известный в эксцентрическом плане актер Николай Черкасов сам дерзко потребовал для себя, тридцатидвухлетнего, роли великого семидесятилетнего ученого-борца.

Но и сейчас все равно не проникнуть нам в таинственнейший, как тимиразевский процесс поглощения солнца в растении, лабиринт этого поразительного перевоплощения.

И сейчас опять-таки хотелось бы пожелать нашим молодым актерам подобной дерзости — дерзости поиска в искусстве (ведь и царевича Алексея он сам себе «вытребовал»).

Черкасовский Полежаев живет вот уже скоро тридцать лет. Вот уже скоро тридцать лет провожают глазами миллионы наших и зарубежных зрителей эту высокую старческую фигуру человека в допотопном, старомодном пальтишке, кутающего большое горло в нетеплый шарф и напуганного сухой, натруженной в «нечерной» работе рукой легионы уходящих на борьбу людей нового мира.

Когда-то сам он, Черкасов, ше-

стнадцатилетний парнишка, рядом с великим Шаляпиным играл в нетопленном и согрееваемом тысячами дыханий зале Маринки — играл для моряков, красноармейцев, охраняющих революционный Петроград.

И перед потомками тех же моряков играл сорокалетний Черкасов — для потомков людей, охраняющих нетленные завоевания революции в тяжкую годину Отечественной войны.

Большой актер, большой человек, соратник великого Эйзенштейна по его фильмам «Иван Грозный» и «Александр Невский», сыгравший около семидесяти ролей в кино и театре (в театре — Миурин, Иван Грозный, Осип, Дронов, Скупой рыцарь и многие другие), он неоднократно был удостоен высокого звания депутата. Дважды награждался орденом Ленина. Пять раз — Государственными премиями.

В 1940 году Николай Константинович Черкасов вступил в ряды Коммунистической партии.

А в 1963 он был участником июньского Пленума ЦК КПСС, участником большого разговора в Кремле, еще раз подтвердившего выдающуюся роль искусства и его, Черкасова, обоих искусств — кино и театра, в жизни народа, в строительстве нового, невиданного в истории общества, в борьбе за нового человека.

Долгих, долгих лет творчества вечно юному Николаю Черкасову! Долгих, долгих лет исканий и побед!